

Парадоксы российской «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Федор Лукьянов,
главный редактор журнала
«Россия в глобальной политике»,
Председатель Совета по внешней
и оборонной политике (СВОП),
член Научного совета Центра Обсерво

В начале января 2013 года, в тот период, когда ничего не происходит, и журналисты страдают от отсутствия новостей, героем российских медиа стал Жерар Депардьё. Стремительное получение знаменитым актером российского паспорта – в обход всех правил и процедур – официально истолковывалось как признак растущего авторитета России в мире, ее международной привлекательности. Кто-то из комментаторов даже вспомнил про «мягкую силу» – ведь сам Депардьё, объясняя экстравагантное решение, заявил, что, оказывается, всю жизнь восхищался русской культурой, в особенности литературой.

Сегодня «мягкая сила» – одно из наиболее часто упоминаемых в России политологических понятий. Впрочем, увлечение пришло сюда довольно поздно. Когда в начале 1990-х годов гарвардский профессор Джозеф Най, в прошлом – видный американский дипломат, изобрел *soft power*, России было не до того. С одной стороны, государство переживало острую фазу последствий распада СССР и существовало в режиме постоянного кризис-менеджмента, поэтому востребовались не продвинутые внешнеполитические инструменты, а «пожарные меры». С другой стороны, идея о том, что России нужна какая-то особая «власть», чтобы укреплять свое влияние и авторитет, вообще появилась не сразу. На первом этапе либерального романтизма казалось, что страна, избавившись от идеологического бремени и сверхдержавного статуса, просто вольется в семью «цивилизованных народов» как равноправный участник, и будет действовать вместе с ними. Такая дефиниция как «национальные интересы» воспринималась едва ли не как позорная отрывка прошлого.

Спустя 20 лет об этом даже странно вспоминать, настолько сильно изменилась российская внешнеполитическая психология и восприятие себя в мире. Москва имеет на вооружении довольно старомодную и тяжеловесную, но зато эффективную дипломатию, которая набирала обороты на протяжении 2000-х годов, используя преимущественно традиционные инструменты – *hard power* и экономические рычаги. Параллельно с воссозданием статуса России как значимого международного игрока эксперты и ученые все чаще вспоминали о теории Джозефа Ная, которая обрела в России запоздалую, но обширную популярность. С возвращением на президентский пост Владимира Путина укрепление *soft power* стало приоритетом. В последней версии Концепции внешней политики, принятой в начале 2013 года, говорится: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» – комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии».

Интерес к американской концепции – производная от ситуации, в которой Россия оказалась к рубежу 2010-х годов. Используя классические рычаги, Москва добилась того, что ее позиция и интересы стали в большей степени учитываться ведущими игроками. Апогеем стала российско-грузинская война в августе 2008 года. Несмотря на крайне неблагоприятный для Москвы информационный фон и всплеск антироссийских настроений на Западе, стратегические цели были достигнуты. Расширение НАТО на постсоветское пространство фактически остановилось, оно вообще перестало быть столь же приоритетным в повестке дня западных столиц, прежде всего США. Но затем наступило осознание того, что этот успех, вероятно, являет собой максимум того, чего можно достичь, применяя традиционные инструменты. К реальной экспансии Россия не стремилась, потенциала для рывка к мировому статусу не имела, военно-политический ресурс, которого хватило для решения грузинской задачи, был явно недостаточен для того, чтобы ставить более амбициозные задачи.

Параллельно началась эрозия и экономических возможностей. Первым тревожным сигналом стал мировой финансовый кризис, который продемонстрировал, насколько российская экономика уязвима и зависима от сырьевой конъюнктуры, влиять на которую Москва не в состоянии. А после того, как мир стал выбираться из кризисной ямы, все более очевидно стала проявляться неэффективность и перегрев российской экономики, которая испытывала проблемы и при благоприятной ценовой конъюнктуре на ресурсы. При этом негативный имидж – восприятие России как несовременной и ненадежной страны – все больше сказывался на ее международных позициях, в том числе на инвестиционной привлекательности, которая в условиях экономической стагнации превращается во все более важный фактор.

В общем, создалась ситуация, когда появилась объективная потребность в новых инструментах воздействия на мировую политику и собственное восприятие в мире. А поскольку на протяжении многих лет наращиванием своей «мягкой силы» Россия практически не занималась, потенциал роста в этой сфере воспринимался как значительный. Правда, российская интерпретация этого понятия отличается от того, как принято воспринимать его в Европейском союзе и США.

«Мягкая сила» с точки зрения Кремля

Прежде всего надо подчеркнуть, что в официальной российской трактовке «мягкая сила» – гораздо более политический феномен, чем в изначальном американском и европейском смысле. Конечно, и Най писал прежде всего о политическом инструменте, но российское видение резко утрирует значение и опасность этого инструмента. В этом смысле показательна статья Владимира Путина «Россия и меняющийся мир» – его предвыборный программный манифест по внешней политике, опубликованный в конце февраля 2012 года. «В ходу все чаще и такое понятие, как «мягкая сила» — комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия. К сожалению, нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств. Следует четко различать — где свобода слова и нормальная политическая активность, а где задействуются **противоправные инструменты «мягкой силы»**. Можно только приветствовать цивилизованную работу гуманитарных

и благотворительных неправительственных организаций. В том числе — выступающих активными критиками действующих властей. Однако активность «псевдо-НПО», других структур, преследующих при поддержке извне цели дестабилизации обстановки в тех или иных странах, недопустима. Имею в виду случаи, когда активность неправительственной организации не вырастает из интересов (и ресурсов) каких-то местных социальных групп, а финансируется и опекается внешними силами. В мире сегодня много «агентов влияния» крупных государств, блоков, корпораций. Когда они выступают открыто — это просто одна из форм цивилизованного лоббизма. У России тоже есть такие институты — Россотрудничество, фонд «Русский мир», наши ведущие университеты, расширяющие поиск талантливых абитуриентов за рубежом. Но Россия не использует национальные НПО других стран, не финансирует эти НПО, зарубежные политические организации в целях проведения своих интересов. Не действуют так ни Китай, ни Индия, ни Бразилия. Мы считаем, что влияние на внутреннюю политику и на общественное настроение в других странах должно вестись исключительно открыто — тогда игроки будут максимально ответственно относиться к своим действиям».

Само по себе применение эпитета «противоправная» к «мягкой силе» точно характеризует специфическое российское восприятие этого явления. Примечательно, что Путин противопоставляет западной практике не просто российский подход, а действия БРИКС — сообщества стран, которые в совокупности олицетворяют некую нарождающуюся альтернативу западному мировоззрению.

Вслед за президентом о негативных сторонах «мягкой силы» тревожится и Концепция внешней политики: «Усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом».

В российской политической практике существует несколько вариантов трактовки «мягкой силы». Наиболее простая фактически уравнивает «мягкую силу» с контрпропагандой, хорошо знакомой еще с советского времени. К такому пониманию, в принципе, склонен Владимир Путин, который не раз сетовал на то, что российская политика непонятна на Западе, потому что ее недостаточно ярко и убедительно разъясняют. Выступая летом 2012 года на встрече с российскими дипломатами, президент говорил: «Пока надо признать, образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен... Да и позиция нашей страны в международных делах освещается как-то однобоко: те, кто стреляет, ракетные удары постоянно наносит, молодцы, а те, кто предупреждает о необходимости сдержанного диалога, вроде как в чем-то виноваты. А виноваты мы с вами в том, что плохо объясняем свою позицию».

Отсюда стремление расширить возможности по продвижению российского видения мировых событий на международной арене, прежде всего посредством создания и щедрого финансирования информационных каналов. Успешным примером считается телеканал Russia Today, вещающий на трех языках (английский, арабский и испанский), который изначально вроде бы был призван улучшать имидж России, однако довольно быстро превратился в способ пропаганды альтернативного западному взгляда на мировые дела. Английская служба RT, самая большая из трех, последовательно и резко критикует американскую политику во всех ее проявлениях, причем этот подход показал определенную эффективность.

Аудитория канала в мире растет, поскольку он дает совершенно иную картину событий, чем та, которая представлена в основных западных медиа. Относительная популярность такого подхода связана с тем, что после холодной войны в мире надолго исчез плюрализм восприятия событий, и во многих частях мира, в том числе даже в самих Соединенных Штатах, спрос на другой взгляд не удовлетворен.

Между тем в мире глобальных и всеобъемлющих коммуникаций восприятие становится материальным фактором, уравнивая, а иногда и перевешивая классические способы самоутверждения. В России распространено представление о том, что в современной мировой политике важнейшую роль играют «информационные войны», иными словами – способность контролировать нарратив. И этот контроль является едва ли не решающим преимуществом Запада, который, как полагает, например, ведущий ученый-международник Сергей Караганов, постепенно утрачивает превосходство в других сферах перед лицом, например, растущей Азии, делает особую ставку именно на информационные возможности. Помимо RT формированием альтернативного дискурса занята радиостанция «Голос России», старейшее международное радио, которое сейчас переживает новый подъем.

Культура и диаспора: проводник российского влияния?

К этому примыкает идея о продвижении культуры, языка и российского образования как продуктов и услуг, привлекательных и конкурентоспособных на мировой арене. Важным событием в этом ряду было создание в середине 2000-х годов государственного фонда «Русский мир», который отвечает за сохранение и упрочение позиций русского языка в мире. По формальным показателям фонд весьма успешен – его отделения открываются по всему миру от Джакарты и Сиднея до Сиэтла и Буэнос-Айреса. Однако реальная эффективность многими подвергается сомнению – многие отделения представляют собой кабинеты в местных университетах, где собрано несколько книг на русском языке, зачастую подобранных случайно. Тем не менее «Русский мир», созданный по модели немецкого Института Гёте, Британского совета или «Альянс франсез», способен играть положительную роль в поддержании интереса к русской культуре.

Отдельным направлением является работа с соотечественниками, которые официально считаются источником российской «мягкой силы». Здесь ситуация всегда была весьма запутанная. Хотя лица, происхождение которых связано с Россией, разбросаны по всему миру, основная масса диаспоры живет в соседних странах – бывших советских республиках. Распад СССР превратил русских в разделенный народ – 25 миллионов оказались за границей, не сдвигаясь с места. Формально политика в отношении сограждан всегда считалась приоритетом, фактически этого никогда не было. Вопрос о правах русскоязычных жителей соседних государств поднимался в основном в конъюнктурном политическом контексте, использовался как рычаг давления, например, на страны Балтии. При том что там действительно с самого начала возникла неприемлемая в демократическом обществе ситуация массового отсутствия гражданства у постоянных жителей русского происхождения, ситуация русских в некоторых других государствах, прежде всего Центральной Азии, в реальности много хуже. Однако по их поводу вопрос поднимался гораздо реже, если вообще поднимался. Так, очевидную дискриминацию российских граждан либо, русских в Туркменистане российское государство, как правило, старалось не замечать, поскольку Ашхабад играл важную роль в газовом балансе «Газпрома».

Вопрос о защите соотечественников занимает центральное место в политической риторике Москвы, но внимание прежде всего концентрируется на случаях ущемления прав в Соединенных Штатах. Так, на шумевший «закон Димы Яковлева», ставший ответом на американский Закон Магницкого, предусматривает меры по защите не только усыновленных в Америке российских сирот и наказание их обидчиков, но и более широкий инструментарий. В частности, Москва считает несправедливыми и политически мотивированными процессы над бизнесменом Виктором Бутом и летчиком Владимиром Ярошенко, которые осуждены в США к длительным тюремным срокам по обвинению в тяжких преступлениях. По сравнению с этим внимание к нуждам соотечественников в соседних странах много меньше, что многие считают пагубным для имиджа России.

Органом, который был призван заниматься положением дел в соседних странах и, в частности, судьбой соотечественников, является Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному сотрудничеству (Россотрудничество). В 2012 году руководителем его был назначен известный и пользующийся уважением дипломат и политик Константин Косачев, который до этого на протяжении многих лет возглавлял международный комитет Госдумы. При нем функции Россотрудничества начали расширяться – по сути оно становится главным проводником «мягкой силы», аналогом Агентства США по международному развитию (USAID). В соответствии с указом президента Путина, подписанным в мае 2013 года, Россия вообще меняет стратегию выделения средств на донорские проекты за рубежом – вместо многосторонних проектов, например, в рамках Всемирного банка, большее внимание правительство намерено уделять двусторонним проектам, дабы участие Москвы было не обезличено, а персонализировано. Как говорил по этому поводу «Коммерсанту» российский дипломатический источник, объясняя логику перемен, «в странах Африки никто и не догадывается, что речь идет о донорской помощи из России. Мы финансируем программы по всему миру, без разбора, по усмотрению международных организаций, в которые идут наши деньги. Между тем наши геополитические конкуренты львиную долю средств направляют на адресные двусторонние проекты в важных для себя регионах». Приоритетным регионом для вложений станет постсоветское пространство.

«Россотрудничество» должно в скором времени представить «Концепцию участия РФ в содействии международному развитию», что станет первым элементом официальной доктрины «мягкой силы» по-русски. По данным того же «Коммерсанта», в связи с грядущими преобразованиями бюджет Россотрудничества вырастет с нынешних 2 млрд руб. до 9,5 млрд руб. к 2020 году. Предполагается, что федеральное агентство увеличит число иностранных студентов, принимаемых в российские вузы на бюджетной основе, нарастит количество российских центров науки и культуры за рубежом и активизирует работу с соотечественниками. Среди оригинальных идей – проведение в 2017 году Международного фестиваля молодежи и студентов, подобно тому, как СССР поступал в 1957 и 1985 годах.

Прежде всего, речь идет о существенном расширении географии и деятельности, а также модернизации российских центров науки и культуры за рубежом. У России 59 таких центров (и восемь филиалов), а, к примеру, у Китая — почти девятьсот. В будущем при центрах, расположенных в странах с большим количеством выпускников российских и советских вузов, должны появиться центры постпрофессионального развития на базе онлайн-курсов. В отдельных РЦНК планируется создать филиалы крупнейших российских музеев, а в остальных — их виртуальные представительства. Предполагается также, что посетители РЦНК смогут смотреть прямые трансляции премьерных показов российских театров и новые российские фильмы с субтитрами.

Предлагается подготовить указ президента «О создании общественно-государственного Фонда поддержки русскоязычных СМИ за рубежом». Кроме того, на базе РЦНК планируется проводить тестирование иностранцев на знание русского языка, а в ряде стран СНГ — открыть языковые курсы для трудовых мигрантов. В ведение Россотрудничества перейдет Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (сейчас его курирует Минобрнауки). Отдельное направление – воссоздание Российского союза обществ дружбы (аналог Союза советских обществ дружбы) и возобновлении деятельности Дома дружбы с народами зарубежных стран.

«Мягкая сила»: что может предложить Россия?

Непривлекательная сила?

В принципе все готовящиеся или уже осуществляемые меры вполне рациональны и полезны. Однако сама по себе инфраструктура, оболочка требует наполнения, и речь идет не только и не столько о деньгах. Содержательная сторона «мягкой силы», та самая привлекательность модели развития, пока отсутствует.

Советская модель, как бы ни относиться к ее конкретной реализации, была основана на идее социального прогресса и справедливости. И хотя по мере того, как мир узнавал оборотные стороны «нового общества», вера в него затухала, изначально заряда хватило на несколько десятилетий. Кроме того, СССР не просто заявлял об альтернативной модели общественного устройства, но и активно продвигал ее вовне, бросая вызов идеологическому оппоненту и тем самым вызывая интерес к себе многих стран как к могучему потенциальному патрону. К тому же Советский Союз не только в риторике, но и на практике охотно демонстрировал щедрость в отношении тех, кто изъявлял желание прильнуть к кремлевскому плечу. Нередко эта щедрость шла в ущерб самой метрополии, которая жила хуже многих окраин, но интересы экспансии ставились выше прочих задач.

Современная Россия с ее пафосом «прибыль превыше всего» в том числе и в отношениях с другими странами много более прагматична, но настолько же менее привлекательна для остальных.

Справедливости ради надо заметить, что мировой статус СССР прежде всего был основан, конечно, не на «мягкой», а на военной силе и готовности ее применять. Без этого компонента никакая самая раскрепощенная идеология не сделала бы страну сверхдержавой, так же как сегодня глобальная гегемония США в первую очередь определяется их военно-политическими возможностями, а уже потом — очарованием «американской мечты». Наглядным примером того, как даже самый могучий потенциал «мягкой силы» оказывается недостаточным, чтобы обеспечить передовые политические позиции, является Европейский союз.

Россия лишена идеологической закваски, из которой могло бы появиться послание, привлекающее внимание мира. Правда, в последнее время власть и общество, окончательно исчерпав советский ресурс, начинают на ощупь искать замену, но пока получается нечто традиционалистское, консервативное, то есть по определению противопоставленное прогрессу. Даже новую российскую идентичность предполагают искать, уходя вглубь русской истории, возрождая традиции досоветского прошлого. Хорошо это или плохо – предмет отдельной дискуссии, но довольно трудно представить себе Международный фестиваль молодежи и студентов, несущий «юности мира» консервативный посыл и устремленный в минувший

«золотой век» и построенный на защите традиционной семьи от экспансии «однополого разврата». Конечно, определенный контингент привлечь на свою сторону можно, но это будет крайне специфический набор от европейских крайне правых до ближневосточных исламистов.

Вообще, устремленность в прошлое перестает работать даже с соседними странами. Хотя там все еще хватает ностальгии по утраченной с концом советской власти спокойной жизни, активную и перспективную часть населения этим уже не захватить. Мощное культурно-языковое присутствие России в бывших советских республиках либо начинает сокращаться (по объективным причинам – они уже больше 20 лет строят национальные государства), либо не означает политической лояльности (например, широкое распространение русского языка в Азербайджане не делает эту страну близким партнером и союзником России).

С идеей справедливости еще хуже. За годы после исчезновения СССР Россия приобрела в мире (причем не только на Западе) устойчивый образ государства, живущего за счет «нетрудовых доходов» (углеводородная рента), да еще и неспособного распределять их сколько-нибудь равномерно в пользу большинства граждан. История с наделением российским гражданством Жерара Депардье на самом деле обнажает глубинные предпочтения отечественного истеблишмента. Умиление разгульным образом жизни наиболее развязанной части артистической богемы и подчеркивание того, что богатеи у нас живут вольготнее, чем во Франции и остальной Европе, где им приходится платить высокие налоги, едва ли способствует популярности России среди широких зарубежных масс. Да и незарубежных тоже.

Какое влияние в мире оказывает постсоветская Россия?

Есть, впрочем, другое проявление солидарности. Лозунг Международных фестивалей молодежи гласил: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!» Антиимпериалистическая солидарность, то есть противодействие американскому и западному доминированию, в принципе не противоречит декларируемому Москвой курсу. Но Советский Союз о противостоянии с Западом не просто говорил, он его активно осуществлял, рекрутируя другие страны в свою поддержку. Авторитет России в бывшем «третьем мире» до сих пор еще отчасти определяется тем, что в ней видят тень СССР, то есть державу, которая если и не системная альтернатива Западу, то хотя бы противовес его культурно-политической монополии.

Но это остаточное отношение. Во-первых, потому что Россия системного вызова Западу не бросает, своей строптивостью она защищает собственные интересы и позиции, а не пытается вести за собой других. Во-вторых, если СССР размахивал антиколониальным знаменем, весьма популярным на волне распада империй во второй половине XX века, то Россия сама увязла в сложных постимперских переживаниях. И неприязнь пробуждающегося «третьего мира» к Западу (см. «арабскую весну») не означает роста симпатий к России. На общем фоне бурных перемен она со своим охранительным пафосом попадает в категорию реакционеров, а не прогрессистов. Тем более что Россия благодаря советскому наследию является обладателем привилегий в Совете Безопасности ООН, которые вызывают растущее раздражение большинства государств мира.

При этом стоит отметить, что именно понятие альтернативности, другого взгляда на международные дела содержит наибольший потенциал «мягкой силы». Связано это прежде всего с тем, что политика Запада на многих направлениях заходит в тупик, будучи не в состоянии генерировать разрешение кризисных ситуаций. В этом смысле показательна реакция на предложение Москвы по-новому подойти к сирийскому урегулированию, начав с уничтожения химического оружия. Нашумевшая статья Владимира Путина в «Нью-Йорк таймс» сделала для улучшения имиджа России в глазах Запада больше, чем многомиллионные вложения в контрпропаганду, поскольку выдвинула решение, позволившая многим избежать действий, которых они не хотели. Достаточно почитать отклики на статью в читательском форуме на сайте газеты, чтобы понять, насколько мощный эффект может иметь оригинальная и неожиданная идея. Едва ли такой опыт возможно повторять регулярно, яркие идеи не приходят ежедневно, но именно этот путь наиболее продуктивен.

Способность влиять на других – это производная от наличия привлекательной модели внутри, с этим согласны все в России – от левых и либералов до правых и националистов. Только такой образ можно транслировать вовне и ожидать позитивного эффекта. России пока транслировать нечего – активные разговоры о национальном единении, моральном обновлении, социальной солидарности и вообще поиске современной устойчивой идентичности, которые звучат с конца 2012 года, пока повисают в воздухе. Хотя заявка делается весьма масштабная. Та же Концепция внешней политики говорит, что требуется «формирование ценностной основы совместных действий, опора на общий духовно-нравственный знаменатель, который всегда существовал у основных мировых религий, включая такие принципы и понятия, как стремление к миру и справедливости, достоинство, свобода и ответственность, честность, милосердие и трудолюбие».

До тех пор, пока сама Россия не определится с новой самоидентификацией, той, что придет на смену окончательно исчерпанной советской и так и не появившейся постсоветской, «мягкая сила» сведется к набору технических мер – небесполезных, но не меняющих ничего по существу. Либо анекдотических историй с новыми «друзьями России», наподобие Жерара Депардье. Когда он стал российским гражданином, сетевое издание «Газета.ру» задумалась, кто бы еще мог последовать его примеру. Автор вспомнил вечную жертву преследований американской Феиды Романа Полански и дебошира Мела Гибсона. С последним, правда, есть риск – помимо прочих конфликтов с правоохранительными органами США он привлекался к ответственности за пьяное рукоприкладство своей русской подруги. А значит может попасть под действие другого закона, принятого в России в рамках наращивания «мягкой силы» – о возмездии тем, кто обижал российских граждан. 🇷🇺